

С л о в о

въ великій пятокъ предъ плащаницею (20 апрѣля 1907 года)
въ церкви Кіево-Братскаго монастыря.

О жизни во Христѣ.

*Аще единъ за всѣхъ умре,
то убо вси умроша. Христосъ
же за всѣхъ умре, да живуции не
ктому себѣ живутъ, но умершему
за нихъ и воскресшему (2 Кор. V,
14--15).*

День смерти Сына Божія за спасеніе міра! Образъ Христа-Жизнодавца, держамаго въ объятіяхъ смерти, лежащаго нынѣ во гробѣ маломъ! Эти священныя и спасительныя воспоминанія, эти необъятно глубокія въ своей простотѣ мысли и впечатлѣнія обновляетъ нынѣ, братіе, въ нашемъ сознаніи, въ нашемъ сердцѣ Святая Церковь. Сколько поколѣній христіанскаго человѣчества въ вѣка минувшіе черпали здѣсь, у священнаго гроба Спасителя нашего, токи неиссякаемыхъ богатныхъ и нравственныхъ силъ! Пройдутъ и еще, быть можетъ, многіе вѣка, по сила „слова крестнаго“ навсегда пребудетъ питающею всѣхъ, по никогда не изживаемой. Приликнемъ же и мы нынѣ, братіе, къ сему священному гробу, чтобы, елико возможно, почерпнуть изъ него запасъ благодатно-нравственной силы для нашего духовнаго обновленія. Сдѣлаемъ это не по собственному ничтожному разумѣнію тайны искупительной смерти Господа Спасителя

нашего, а по руководству того св. Апостола, который „судить бытъ ничею не знающимъ, кромѣ Иисуса Христа—распятаго“ (1 Кор II, 2), и который „не желалъ хвалиться ничѣмъ, развѣ только крестомъ Господа нашего Иисуса Христа“ (Гал. VI, 14). Изъ необъятно-богатаго сокровища ученія св. Апостола о Христѣ Распятомъ въ пасгоиція минуты остановимся на прочитанныхъ нами выше словахъ св. Апостола. „Если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли. А Христосъ за всѣхъ умеръ, чобы живущіе уже не для себя жили, но для умершаго за нихъ и воскресшаго“. Вошь, браіе, сколь дѣйствительна и існа связь Богочеловѣка, Спасителя нашего, со всѣмъ, спасеннымъ Имъ, человѣчествомъ,— вотъ какъ очевидна связь Его искупительнаго дѣла съ жизнью всего человѣчества и каждаго его члена. Эта связь христіанина съ Спасителемъ на всѣ времена была, есть и пребудетъ для всѣхъ людей источникомъ усвоенія совершеннаго Имъ спасенія. Но ясна и великая отвѣтственность, налагаемая на каждаго челоѣка этою богатною связью: смерть Господа за людей развѣ навсегда опреѣлила, уяснила смыслъ жизни людей. Какъ Христосъ Спаситель Своєю смертью совершилъ величайшее дѣло самоогреченія на спасеніе всѣхъ людей (Мо XX, 28), такъ и въ жизни каждаго челоѣка-христіанина долженъ прозвонити подобный переворотъ: челоѣкъ долженъ рѣшиться перестать жить для себя самого, а всецѣло начать жизнь во Христѣ, даже до слиянія своей воли и сознанія съ сознаніемъ и волею Христа: „я—говорить тотъ же св. Апостоль, сораспялся Христу, и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ. А что нынѣ живу во плоти, то живу вѣрую въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя по мнѣ“ (Гал. II, 20). На безмѣрную любовь Господа Спасителя, проявленную Имъ въ Его искупительномъ дѣлѣ, христіанинъ долженъ отвѣтствовать любовью же, и изъ этого союза любви проистекаетъ великая нравственная сила для христіанина, его готовность и способ-

постъ все претерпѣть за Христа, все, не исключая смерти. Св. Апостолъ, по собственному свидѣтельству (1 Кор. XV, 31) „умиравшій каждый день“, въ духовномъ восторгѣ восклицаетъ: „кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодь, или нагота, или опасность, или мечь?.. все сіе преодолеваемъ силою Возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы... ни другая какая гварь не можетъ отлучитъ насъ отъ любви Божіей во Христъ Іисусъ“ (Рим. VIII, 35. 37—39). Воспламененная пламенемъ любви Божіей, душа Апостола, среди всѣхъ трудовъ, опасностей и лишеній его апостольскаго жребія, всегда оставалась вѣрною Христу и самой себѣ, стойкою и непоколебимою: „внѣшній человекъ тлѣлъ, но внутренній со дня на день обновлялся“ (2 Кор. IV, 16). Могла ли при этомъ душа Апостола привязаться къ этой временной жизни, или къ чему-либо въ этой жизни, когда для него вся истинная жизнь была заключена во Христѣ Распятомъ? „Для меня жизнь—Христосъ, и смерть—приобрѣтеніе“ (Филипп. I, 21)—этими словами выражалось все направленіе жизни и дѣятельности св. Апостола. И такой взглядъ на жизнь св. Апостола заповѣдалъ имѣть и всѣмъ христіанамъ. „Если вы воскресли со Христомъ, то ищите горниго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога; о горнемъ помышляйте, а не о земномъ. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ“ (Кол. III. 1—3); „наше жителство на небесахъ, откуда мы ожидаемъ и Спасителя нашего“ (Фил. III, 20). Жизнь земная, конечно, сохраняетъ и у христіанъ свои права,—иначе надлежало бы имъ выйги изъ этого міра (1 Кор. V, 10), но она во всей нераздѣльности получаетъ у христіанъ высшее направленіе, озаряемая высшимъ свѣтомъ—сіяніемъ вѣчности.

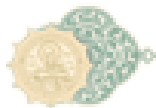
Это апостольское ученіе о Христѣ Распятомъ и объ истинномъ смыслѣ жизни христіанина приходитъ намъ, бра-

тіе, на мысль въ настоящія священныя минуты, когда предстали мы священному гробу нашего Спасителя. При свѣтѣ этого ученія спросимъ, братіе, свою совѣсть: съ какимъ духовнымъ настроеніемъ предстоимъ мы теперь насъ ради Распятому? много-ли освѣчаетъ наша собственная жизнь этому апостольскому ученію?

При видѣ сего священнаго гроба, при размышленіи о томъ, что сдѣлалъ для насъ Христосъ Спаситель, чувства безмѣрнаго благоговѣнія, сердечнаго умиленія, живѣйшей благодарности и пламенной любви къ Спасителю нашему должны бы наполнить наши души. Эти чувства для христіанскаго сердца были бы воистину подобіемъ и замѣною тѣхъ ароматовъ и плащаницъ, которые возложили на тѣло Господа благообразный Иосифъ съ Никодимомъ, какіе уготовали было Божественному Меривецу св. мироносицы.

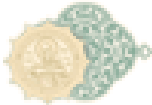
И мы хотѣли бы, искренно хотѣли бы раздѣлить съ этими блаженными душами ихъ блаженство столь близкаго общенія съ Спасителемъ. Мы хотѣли бы... Но—увы!—той пламенной, чистой, беззаветной любви, той безраздѣльной преданности Господу Распятому, какія желалось бы имѣть особенно теперь, мы не ощущаемъ въ сердцахъ своихъ. Мы вѣруемъ въ Распятаго насъ ради Христа—Божію Силу и Божію Премудрость, Распятаго и Воскресшаго, исповѣдуемъ свою вѣру, исполнимъ посылки и тѣ благочестивыя упражненія, какія предписываетъ въ эти святые дни Св. Церковь, но душа наша и по сей часъ остается въ нѣкоторомъ оцѣпѣннѣи, испытываетъ какую-то внутреннюю сухость и безплодіе. Подлинно, приходится со скорбію сказать съ св. псалмопѣвцемъ: *Господи!... душа моя, яко земля безводная Тебѣ* (пс. СХІІ, 6). и затѣмъ молитвенно воскликнуть съ св. пророкомъ: *кто дастъ гласъ моей воду, и очесамъ моимъ источникъ слезъ, и плачуся день и ночь?...* (Іер. ІХ, 1).

Откуда же, братіе, такая печальная нечувствительность? Отъ непривычки нашей жить жизнью истинно-духовною, жизнью во Христѣ. Вѣдь можно-ли и ожидать, чтобы у человека, который является христианиномъ лишь въ минуты утреннихъ и вечернихъ молитвъ или въ немногіе часы пребывания въ храмѣ, сразу въ нѣсколько дней или часовъ, по призыву св. Церкви, явилось богатое умиленіе молитвы? Молитва пріобрѣтаетъ богатую, теплоту лишь отъ усилій долговременнаго подвига, при томъ подвига, связаннаго съ цѣлою жизнью человека-христианина. Вотъ почему и для того, чтобы имѣть возможность принести ко гробу Спасителя благоуханные ароматы благоговѣнія, умиленія, преданности и любви, надо собирать эти ароматы по каплямъ подвигомъ всея нашей жизни, которая все безраздѣльно должна принадлежать Умершему за насъ и Воскресшему. А между тѣмъ въ жизни нашей царитъ глубокая разладъ между используемою нами вѣрою и всѣми дѣлами нашими. Мы чрезвычайно далеки отъ того, чтобы дать вѣрѣ нашей въ жизни подобающее мѣсто главной, самоцѣльной силы, того „единого на потребу“ (Лук. X, 42), чѣмъ должна она быть у насъ по заповѣди Господа; мы, напротивъ, склонны видѣть въ вѣрѣ лишь средство обезпечить для самихъ себя и для нашихъ близкихъ безпечальную земную жизнь; мы не становимся всецѣло достойнымъ Божиимъ и Христовымъ, а лишь готовы сдѣлать Бога помощникомъ своимъ во всѣхъ нашихъ житейскихъ дѣлахъ. Нужно-ли говорить, какъ унижается этимъ наша вѣра: не становится-ли она въ такомъ разѣ лишь одною изъ принадлежностей нашего житейскаго обихода, почти совершенно утрачивая значеніе единого на потребу? Или вотъ – обычное явленіе: мы, хотя и рѣдко, по переживаемъ иногда минуты духовнаго подъема вѣры въ часы молитвы церковной или домашней; но затѣмъ, оставляя молитву, выходя изъ храма, мы совершенно оставляемъ всякую мысль о Богѣ и о вѣрѣ нашей и весь день, весь жизненный

трудъ свой совершаемъ безъ всякой мысли о Богѣ и Его благодати, объ обязанности христіанина „непрестанно молиться“ (1 Фесс. V, 17) и под. Можетъ-ли въ такомъ случаѣ жизнь наша во всѣхъ своихъ частяхъ получать благодатное освященіе? не образуется-ли, напротивъ, великая пропасть между дѣломъ вѣры и дѣлами жизни нашей? Оттого-то, весьма часто мы не прочь высказать мысли, чувства, убѣжденія и пожеланія, прямо противныя христіанству, оттого-то столь нерѣдко мы дѣломъ и словомъ, хотя-бы и безсознательно, совершаемъ отреченіе отъ Христа. И при всемъ томъ, столь часто чуждые духа Христова въ своей жизни и дѣятельности, мы мнимъ себя истинными христіанами, коль скоро выполняемъ нѣкоторыя изъ требованій Церкви и общества. Дымка внѣшняго приличія скрываетъ отъ другихъ и даже отъ насъ самихъ наше внутреннее убожество, нашу глубокую суетность. Но вотъ, въ наступающія великія минуты у сего святого гроба совершается какъ-бы судъ совѣсти нашей: требуется не показная безупречность и праведность, а подлинная вѣрность Христу, истовое благоговѣніе, беззавѣтная любовь и под. И—увы!—этихъ чувствъ не достаетъ намъ теперь, какъ не достало ея юродивымъ дѣвамъ, вышедшимъ съ мудрыми дѣвами въ срѣтеніе жениху, но не заготовившимъ заблаговременно ея (Мѣ. XXV, 1 сл.). Побуждаемые остающеюся въ насъ искрою Божіею, мы хотѣли-бы въ молитвенномъ восторгѣ любви, благоговѣнія и преданности, воспарить духомъ къ Господу Спасителю нашему. Но что-то тяжелое, какъ-бы грубо вещественное давитъ, пригнетаетъ душу нашу къ землѣ, и мы бессильно витаемъ по послѣдней, подобно птицѣ, у которой обрѣзаны крылья.

Совсѣмъ не то было-бы, если-бы мы хотя въ малой степени слѣдовали указанному св. Апостоломъ образу жизни во Христѣ Распятомъ. Тогда для душъ нашихъ, сроднившихся съ Господомъ чрезъ непрестанную мысль и непрерывную жизнь о Христѣ Распятомъ, въ настоящія великія

минуты подлинно-бы открылось истинное духовное небо на землѣ, и мы всѣмъ существомъ своимъ восчувствовали-бы и пережили недомыслимую тайну сего святаго гроба, тайну Креста Христова, тайну искупленія насъ честною Кровію Господа,—тайны, которыя помогъ-бы намъ уразумѣть Своими неизглаголанными воздыханіями Святый Духъ (Римл. VIII, 26).

Но и теперь безконечное милосердіе Божіе не закрыто отъ насъ. Дадимъ лишь слово вѣрности насъ ради Распятому, что отсель, во всей послѣдующей жизни своей, будемъ памятовать и усиленно исполнять неоплаченный долгъ нашъ предъ нашимъ Спасителемъ. Не въ нашихъ силахъ перестроить жизнь общества по закону Христову, но въ нашей возможности начать теперь-же обновленіе нашей личной жизни по образу Христа умершаго и воскресшаго (Римл. VI, 4. Ефес. IV, 24). Начало-же всему—покаяніе и молитва, молитва смиренная и сокрушенная. Падемъ ницъ предъ симъ священнымъ гробомъ Господа, предлагая Ему если не слезы высокаго молитвеннаго восторга, то слезы покаявшейся блудницы. „Паче блудницы, блаже, беззаконовавъ, слезъ тучи никако же Тебѣ припесохъ; но молчаіемъ моляся, припадаю Ти, любовію обლობаяя пречастіи Твои позѣ, яко да оставленіе мнѣ, яко Владыка, подаси долговъ, возуцу: Спасе, отъ скверныхъ дѣлъ очисти мя“ (Кондакъ вел. среды). Аминь.

Свящ. А. Глаголевъ.